

Название: Концепция дружбы
Автор: (команда такая-то в формате WTF Pandemic Games 2026)
Бета: (команда такая-то в формате WTF Pandemic Games 2026)
Канон: Baldur's Gate III
Размер: мини, 1416 слов
Пейринг/Персонажи: ж!Темный Соблазн/Гейл
Категория: джен, гет
Жанр: драма, hurt/comfort
Рейтинг: PG-13
Краткое содержание: Может ли чудовище принять заботу и может ли оно быть понятым?
Размещение: только после деанона с указанием автора
Для голосования: #. WTF Pandemic Games 2026 - «Концепция дружбы»

После возвращения из Лунных башен Элья забила в свой уголок за остовом стены, прихватив первую попавшуюся бутылку из ящика, добытого в подвале таверны. Вино оказалось холодным, сладким и необычайно вкусным. Был в этом некий символизм: сладость на языке, горечь на сердце и попытка разбавить одно другим. Медленно делая глоток за глотком, Элья пыталась понять — так что же от нее осталось?

Выходило плохо. Простые и понятные прежде истины расплзались в руках, будто истлевшие страницы. Хельм все так же молчал. Единственное, что Элья понимала: следовать советам Гнуса она не станет никогда и ни за что. Даже если убийство жрицы Селуне сможет вернуть ей былое величие, оно ей не нужно. Уж лучше быть никем, чем... этим.

Темный огонь в глубине естества обдал гневом и презрением. Разумеется, она хочет величия! Его невозможно не хотеть! Хотеть так, что стекленеют глаза и сохнет во рту, а кровь в жилах превращается в кипятком. Нет никакой другой ее — есть целое и его обломок. И обломок не может не хотеть стать целым.

— Заткнись, — прошипела она себе и сделала новый глоток.

Вино почему-то перестало быть приятным. Мысль, что она — обломок дурно пахнущей мерзости, наполнила рот привкусом гнили.

Из мрачной задумчивости ее вытащил Гейл. Увел на берег реки, затеял какой-то путанный и непонятный разговор. А потом взял и признался ей в любви. Элья подняла на него удивленный взгляд:

— Гейл, ты совсем меня не знаешь. Я и сама себя не знаю!

— И я буду счастлив, если ты позволишь мне узнать тебя лучше.

Элья рассмеялась недоверчиво и зло:

— Какая же у тебя короткая память! Я убила Альфиру, помнишь? И ты велел мне держать руки на виду. А теперь сам себе что-то придумал, какую-то другую меня. Я не буду подыгрывать твоему самообману. Я — убийца, ясно?

— Я знаю! — Гейл подался вперед, но взять ее за руку не решился. — Я же не слепой, вижу, как ты дерешься. С каким удовольствием лишаешь жизни, и как потом разглядываешь трупы. Они тебе нравятся. И как ты тащишь в лагерь всякие кости и прячешь в своем сундучке, тоже знаю. А еще знаю, что на самом деле ты не любишь причинять боль зря и стараешься быть лучше.

— Быть лучше? — фыркнула Элья. — Что за детский лепет?

— Ты хочешь убивать и причинять боль? — он все-таки коснулся ее запястья и нежно провел по нему большим пальцем.

— Нет, — ответила она, помедлив.

— Значит, ты хочешь стать лучше! — Гейл улыбнулся, как будто его фраза что-то доказывала. Как будто ее борьба имела отношение только к ее желаниям.

Элья вздохнула:

— Ты запутался. Я не хочу, чтобы ты покончил с собой по приказу своей божественной бывшей. Я не даю тебе умереть в бою. Мы много времени проводим бок о бок. Но на этом все! Никаких чувств к тебе у меня нет и быть не может.

Гейл отдернул руку и издал сдавленный звук, словно хотел возразить или просто горестно застонать, но вовремя себя остановил. Наверное, она причинила ему боль? Это было неправильно, Гейл такого не заслужил.

— Мне кажется, я вообще не умею любить, — пояснила Элья тихо и покачала головой: — И принимать заботу тоже не умею... Если бы ты просто предложил мне секс, я бы согласилась. Но тебе ведь надо другое, да?

Она почему-то опять вспомнила Зевлора. Если бы на месте Гейла сейчас сидел он, был бы ее ответ таким же?

Вот только его здесь не было. Потому что Зевлор оказался слаб и попал в лапы Абсолют. Ничего, они найдут Песнь Ночи, расправятся с Кетериком и спасут всех, кого еще можно спасти... Может быть, даже ее саму?

Пару ночей спустя, после возвращения из храма Шар, ей точно потребовалось спасение.

Она смотрела на спящего Гейла, дрожа, как от лихорадки, от подступающего безумия. И почему Гнус выбрал ее жертвой именно его? Может, знал что-то, чего не понимала она сама? От мысли, как нож будет пластать это тело, как украсят его вывернутые ребра, ее окатывали то звериное возбуждение, то дикая паника. Элья решительно потрясла Гейла за плечо и, начиная уже заговариваться, объяснила, что с ней происходит.

— Я н... не х-хочу, — промычала она. — Но если усну, б-будет, как с Альф-фирой... Б-беги...

Он что-то ей ответил, но разум уже начал гаснуть, проясняясь короткими вспышками. Вспышка — и ее руки заломлены за спину с неожиданной для волшебника силой. «Да, ты молодец, спасибо», — пытается сказать она, но с ее закушенных губ срывается лишь невнятное шипение. Гейл его понимает. Он со вздохом кивает, и в ее плечи впивается веревка. Вспышка — и ее голова бьется о свернутое одеяло, а глаза выхватывают склоненную над ней фигуру. Гейл сует ей в зубы деревяшку, она подчиняется и грызет палку, одновременно сожалея и радуясь, что это не плоть. Ее рот уже полон крови, вкусной, сладкой, ей нужно еще, еще больше крови...

Крови много. Целое озеро — бездонное, пронизанное корнями громадного алого дерева. Каждый листочек на нем — это смерть, подаренная ею кому-то. Листьев много, они липко шуршат и закрывают небо. Когда они закроют его полностью, то тогда! О, тогда!.. Пусть они падут! Пусть падут все, кто дышит ложью! Пусть их горла запоют последнюю kloкочущую песнь — ту, что она тоже когда-то преподносила в дар... Последний вздох, и воздух сгущается перед жертвой, и голова клонится вниз, будто сама земля кланяется тому, кто стоит за ее спиной... И жажда. Чистая. Сияющая. Священная. Неутолимая!

Элья вздрогнула, просыпаясь, и со страхом распахнула глаза. Она лежала на берегу озера, поодаль от лагеря. Рядом, не сводя с нее внимательного взгляда, сидел Гейл. Элья с облегчением вздохнула и закашлялась: ее носоглотка была забита отвратительным запахом засохшей крови — ее собственной. Гейл быстро, но осторожно вытащил из ее зубов изгрызенную палку.

— Ты точно в порядке?

— Да, — ее голос был хриплым и немного гнусавым. — Все хорошо. Можешь меня развязывать.

Гейл еще немного за ней понаблюдал, а потом все же перерезал веревки. Сел напротив нее прямо на сырую от росы траву и склонил голову:

— И когда ты планировала нам обо всем этом рассказать?

— Я пыталась! — огрызнулась Элья, потирая затекшие руки. — Каждому из вас. И слышала в ответ, что это нормально. Все злятся, все порой хотят кого-нибудь убить. Припоминаешь?

Он смущенно хмыкнул и протянул ей флягу с водой:

— Из-за недостатка вводных данных вывод может оказаться некорректным. Вряд ли это одержимость, иначе демон уже дал бы о себе знать. Да и Уилл с Карлах его бы почуяли. Я не так много знаю о безумии, но на его проявление это тоже не слишком похоже. Большую часть времени ты ведешь себя вполне адекватно. Я бы предположил, что это проклятие.

— Может, и проклятие, — с сомнением отозвалась Элья, отпила несколько глотков воды, прополоскала рот и вернула флягу. А затем поднялась на ноги, разминаясь. — Но я так не думаю. Мне прислуживал демон. И гноллы. И в башнях некоторые меня узнали. Неужели не заметил?

— Ого, — Гейл в задумчивости коснулся сережки в своем ухе. — Ты хочешь сказать, что до потери памяти кровожадность была твоим естественным состоянием? Хм-м, если сначала ты была союзницей Кетерика, а потом в твоем черепе оказалась личинка... Это похоже на наказание. Но вводных данных все еще недостаточно.

Элья резко втянула носом воздух и выдохнула:

— Не уверена, что так уж хочу знать, кем именно я была. Той женщины больше нет. Есть только ее труп — искалеченное тело и жалкий огрызок ее возможностей.

— Ты права! — Гейл тоже встал и заглянул ей в глаза: — Ее больше нет, и ты — не она. Ты гораздо лучше! Ты сделала столько добра и спасла столько жизней, и, значит, обрела свой собственный смысл. Неважно, что было в прошлом. Сейчас ты создаешь новую себя.

Элья неуверенно улыбнулась:

— Ты можешь сказать то же самое и о себе, знаешь?

Гейл рассмеялся:

— И о каждом в нашем лагере, вот такая уж у нас компания. Все мы — осколки чего-то, что считали целым. И все в глубине души надеемся стать кем-то новым.

Элья вдруг почувствовала, как по ее жилам медленно расплзается тепло. От его слов, от заботы в его взгляде, от того, что он жив.

— Спасибо, что связал меня, — произнесла она и сделала к нему шаг.

— Это было в моих интересах, — снова засмеялся Гейл. И немного смущенно добавил, глядя ей в глаза: — Я сделал бы для тебя больше, если бы знал — что. Я — твой друг.

Элья шагнула еще, оказавшись к нему вплотную, положила ладонь ему на щеку и поцеловала в губы.

— Кажется, ты не очень понимаешь концепцию дружбы, а? — спросил он с нервным смешком.

— А ты понимаешь?

— На самом деле, тоже не очень, — признался Гейл. — Я был ужасным ребенком и страшным зазнайкой. Это не способствует крепким отношениям.

— Тогда обними меня. Это просто разделенное тепло. Сегодня мы снова идем в Лунные башни, и кто знает, вернемся ли. Нам обоим не помешало бы сейчас немного радости. И если это не любовь, значит, это дружба, так?

— Да уж, в концепции любви ты тоже не особо разбираешься... Как, впрочем, и я. А, гори оно все!

И Гейл обнял ее в ответ.